Дмитрий ФУРМАН

О БУДУЩЕМ «ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

Решение Государственной думы о денонсации Беловежских соглашений, заключение новых договоров об «углубленной интеграции» России, Казахстана, Киргизии и Белоруссии и заявление российского президента о возможности предоставления Чечне какого-то особого статуса, приближающегося к статусу независимости, показывают всю зыбкость и неустойчивость «постсоветского пространства». СССР распался всего пять лет назад, причем в «одночасье» и в громадной мере неожиданно для большинства населения. И до сих пор ни в России, ни в других странах бывшего СССР еще нет ощущения как окончательности и бесповоротности распада, так и естественности и незыблемости теперешних государственных статусов и границ. «Постсоветское пространство» — пространство не «устоявшееся», где едва ли не в каждой входящей в него республике существуют сепаратистские движения, где имеются самопровозглашенные «незаконные» государства и где одновременно выдвигаются всякого рода интеграционные идеи и инициативы. Стабильную форму это пространство приобретет, очевидно, лишь лет через двадцать, и сейчас не может быть даже полной уверенности, что к тому времени здесь сохранятся те же государства (вошедшая в состав России Белоруссия и, наоборот, независимая Чечня, например,— перспектива вполне реалистическая).

Политическая «зыбкость» нашего пространства и «зыбкость», неопределенность и лабильность идей и чувств, возникающих по поводу его судеб,— это две стороны одного и того же. В 1989—1991 годах на подъеме были антисоюзные настроения, и политики, публицисты, ученые стремились «оседлать» их и выразить в максимально яркой форме. В те не столь уж далекие времена Б. Ельцин мог призывать Запад переключить силы с Ирака на СССР и заставить его уйти из Прибалтики (нечто сейчас непредставимое и даже забытое), а Дж. Дудаев считался вождем чеченской революции и героем национально-освободительного движения. Различные «антиимперские» мысли и фразы заполняли тогда страницы газет и журналов, причем об особой их согласованности и логичности никто не заботился (идея суверенизации республик могла, например, мирно уживаться с идеей права любых этносов на независимость на территории, на которой они проживают, и люди могли требовать одновременно ослабления или даже ликвидации Центра и того, чтобы этот Центр передал Карабах от Азербайджана Армении). Во всех республиках, и в России в том числе, сочинялись и публиковались расчеты, призванные с точностью чуть ли не до рубля показать, сколько эта республика теряет от пребывания в СССР, как ее эксплуатируют и как ей хорошо бы жилось одной. Сила антисоюзных настроений позволяла не замечать противоречивости и несерьезности всех этих проектов и концепций.

Но вот СССР развалился, но жить от этого лучше не стало, наоборот — стало хуже. Настроения, естественно, стали меняться. Начали выдвигаться всевозможные проекты новых объединений, были пущены в ход сотни аргументов и новых цифровых расчетов, опять-таки с точно-

---

ФУРМАН Дмитрий Ефимович — главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук.

В основу статьи положен доклад на международной конференции по вопросам миграции в странах СНГ (Минск, 23—24 апреля 1996 года).

стью до рубля показывающих, как много все теряют от дезинтеграции. В моду вошли геополитика и всякого рода «цивилизационные» концепции, призванные доказать, что России самой природой и историей суждено быть ядром «чего-нибудь большого». Коммунисты и жириновцы превратились в самые мощные российские партии, Ельцин стал говорить об СНГ как о сфере особых интересов России, приближение к границам которой НАТО — главная угроза нашей безопасности, а Дудаев был объявлен главой преступной банды сепаратистов.

Ясно, что при такой лабильности и противоречивости народных чувств, усиливающихся к тому же стремлением политиков уловить эти колебания и использовать их в собственных интересах, на нашем пространстве могут происходить самые неожиданные и причудливые события. Однако при всем многообразии возможных событий в амплитуде от войн России с соседями до образования какой-нибудь «конфедерации» есть «коридор возможностей», образуемый базовыми, устойчивыми характеристиками нашего «пространства», и есть долговременные, устойчивые тенденции, общий вектор движения по этому «коридору возможностей», изменение которого очень маловероятно. Цель настоящей статьи — попытаться показать эти базовые характеристики и этот вектор.

САМАЯ БАЗОВАЯ, САМАЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ (и одновременно — наиболее «лежащая на поверхности») характеристика нашего «пространства» заключается в том, что это пространство бывшего СССР, но сам СССР возник на территории бывшей Российской империи, русского государства, постепенно расширявшегося по своему периметру за счет своих слабых соседей. «Постсоветское пространство» — это бывшее «советское пространство», а оно, в свою очередь,— бывшее «имперское пространство». И это единственный объективный признак, позволяющий такое пространство очертить. Связи возникших на нем государств многообразны и тесны, но источник этих связей один: пребывание в Российской империи и СССР и разные последствия этого пребывания. По всем прочим характеристикам ламаистская Бурятия не может входить в одну общность с расположенными далеко от нее протестантской Эстонией и шиитским Азербайджаном.

Факт пребывания в империи и СССР создал это пространство, определил его границы. И он же определил его устойчивые «структурные характеристики». Каждая империя — уникальное образование. (Вообще термин «империя» — довольно условный и покрывает очень разные государства. Оттоманская империя имела не так много общего с Британской, и далеко не во всех империях доминирующий народ жил лучше других. Тем не менее общее все же есть — это насильственное объединение разных народов.) Российская империя также обладала, естественно, множеством уникальных черт. В частности, она была образованием «компактным», в котором присоединенные территории не были расположены за морями и океанами в разных частях света, как в колониальных империях, созданных западноевропейскими державами, а непосредственно примыкали к государственному «ядру», собственно России, образуя ее «окраины». При этом «ядро» было достаточно «тяжелым»: русские составляли около половины населения, и русские земли занимали более половины территории, «окраины» же — предельно «пестрыми», заселенными множеством небольших и очень разных народов. Эту же организацию — тяжелое русское «ядро» и пеструю периферию — унаследовал от Российской империи и СССР. Сохраняется она и сейчас, поскольку мы рассматриваем «постсоветское пространство» как

единое целое и поскольку оно в значительной мере таким цельм и является на деле.

Как бы политически и юридически ни было оформлено это пространство (империя, СССР, СНГ, еще что-нибудь), что бы на нем ни происходило, это, по сути своей, пространство большой России, являвшейся «ядром» империи, и расположенных по ее периметру маленьких и гетерогенных окраин, ранее в Россию входивших (или продолжающих входить). Но ясно, что подобным генезису и устойчивой организации нашего пространства должны соответствовать и устойчивые характеристики отношений на нем, упомянутый выше «коридор возможностей» происходящих там событий и процессов.

Очень распространенное у нас сравнение постсоветского мира с Западной Европой, постоянно используемое сторонниками интеграции («все объединяются, а мы разъединяемся, все разрушают барьеры, а мы их создаем»), не учитывает принципиально разной организации наших пространств. Интеграция Западной Европы — это не интеграция вокруг мощного национального центра, который является вдобавок центром бывшей империи. Это интеграция вокруг Брюсселя и Страсбурга, а не вокруг Берлина или Парижа. Это интеграция относительно «равновесных» стран (Германия, Франция, Англия, Италия), при которой маленькие страны могут найти свое «место» в «пространстве между ними», не опасаясь подчинения и поглощения. С нашим пространством можно сравнивать не пространство Западной Европы, а скорее какое-нибудь гипотетическое «пространство вокруг Германии» — допустим, Германия плюс Люксембург, Австрия и Чехия. И, наконец, это интеграция стран, неизмеримо более близких культурно, чем страны «постсоветского пространства».

На этом пространстве интеграция западноевропейского типа неизбежно будет наталкиваться, во-первых, на реальную «разновесность» наших стран, делающую установление между ними равноправных отношений таким же сложным делом, как налаживание равноправных отношений Гулливера и лилипутов или слона и мосек (ситуация союза, в котором один голос имеет Россия и один — Эстония или Белоруссия, представляется «противоестественной» и нестабильной); во-вторых, такая интеграция будет наталкиваться на наследие прошлого, старые привычки. Разное прошлое и разное соотношение сил в группах государств предполагают различные устойчивые «психологические структуры» политических отношений между ними, и психологическая структура нашего «пространства» очень отлична от западноевропейской и неизмеримо более сложна и конфликтогенна. Сама природа этого пространства (особенности его генезиса и соотношения сил на нем) предполагает со стороны России привычку к доминированию, страх других республик перед бывшим хозяином, который продолжает быть очень сильным соседом, обостренное самолюбие бывших подчиненных, не до конца освободившихся от своего «комплекса подчиненности», возможности для них эксплуатировать в своих интересах желание России сохранить союз и свою роль в нем, а при дальнейшем изменении соотношения сил не в пользу России — стремление припомнить ей прошлые обиды и показать прежнему «хозяину», что он уже никакой не хозяин. Все это — слишком естественные, слишком человеческие (хотя и не очень хорошие) чувства и стремления, целиком вытекающие из нашей ситуации, чтобы их можно было избежать (можно лишь свести их к «приличному» минимуму). И все это делает интеграцию на нашем пространстве по типу западноевропейской практически невозможной.

Единственная интеграция, которая здесь может иметь место,— это восстановление роли России как ядра, центра, главы объединения,

«хозяина пространства», объединение «вокруг России»: слабых — вокруг сильного, периферии — вокруг центра, бывших подданных, ставших затем младшими братьями,— вокруг старшего брата.

Равным образом дезинтеграция нашего «пространства» может быть лишь «разбеганием от России». Другим республикам или нечего делить, ибо их ничто и не связывает (что в самом деле связывает, скажем, Эстонию и Туркмению?), или, напротив, у них есть основания для установления тесных связей, создания интегрирующихся общностей (Прибалтика, Средняя Азия, теоретически — Кавказ), но это связи вне России и объективно заменяющие связи с Россией, противостоящие им и дезинтегрирующие наше пространство в целом; соответственно, наоборот, конфликты в таких потенциальных сообществах могут усиливать зависимость обеих сторон от России и выполнять интегрирующую роль в такой «российскоцентричной» интеграции.

По сути своей, наше пространство — поскольку оно существует как некая объективная общность — это пространство «большой России», российское имперское пространство, его естественный центр — Москва. Поэтому все процессы, которые могут на нем происходить,— это или процессы «собирания земель» Москвой и Россией, или разбегания этих земель от Москвы и России. Какие же именно процессы — интеграции, собирания или дезинтеграции, разбегания — будут доминировать на нашем пространстве?

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ, что может произойти в будущем, следует экстраполировать тенденции, берущие начало в прошлом. Разумеется, в истории бывает так, что какая-то тенденция сменяется на противоположную. Но, если это долговременная, прочная тенденция, неразрывно связанная с другими, тоже прочными и устойчивыми, если она пришла к своему завершению в других однотипных общественных организмах, мы можем экстраполировать ее развитие практически со стопроцентной уверенностью. Какова же долговременная тенденция, доминирующая на нашем пространстве?

Недавно Ельцин, защищаясь от обвинений, что именно он развалил Союз, сказал, что процесс его распада шел по меньшей мере десять лет до Беловежских соглашений. Это, разумеется, не так. Процесс распада нашего «имперского пространства» (а СССР — лишь переходная и «компромиссная» форма его организации) начался не за десять, а за сто, если не больше, лет до 1991 года, задолго до самого образования СССР. Точной даты начала этого распада, разумеется, указать невозможно, как нельзя указать точной даты «начала старения» человека — жизнь естественно переходит в умирание. Но прослеживать его можно едва ли не с эпохи Александра II. Империя в те годы еще расширялась, но уже возникли первые признаки ее начинающегося распада. Что же вело к нему? То же, что приводило к распаду всех империй,— необратимая демократизация общественной жизни и культуры, ведшая к консолидации наций и освободительным движениям и уменьшавшая культурный и «силовой» разрыв между народами, создавшими империи, и народами, ими покоренными и подчиненными. Создание литературных языков, распространение грамотности, появление национальных интеллигенций, национальных элит современного типа, развитие национальных культур и самосознаний — все эти естественные, необратимые процессы начались задолго до революции 1917 года и до образования СССР, и все они были процессами распада Российской империи. И развивались они при всем своеобразии — в формах и ритмах, очень похожих на формы и ритмы аналогичных процессов в других империях. Например, эволюция

украинцев от «оторванных от жизни» романтических построений 1840-х к мощному политическому движению эпохи гражданской войны имеет много аналогий с эволюцией чехов. Фигуры типа казахского Чокана Валиханова или азербайджанского Казимбека, преданных империи и в то же время стремившихся поднять свои народы, очень похожи на фигуры, например, индийских Ранаде, Гокхале, Рам Мохан Роя, а движение от них к «Мусавату» и «Алашу» сходно с движением от их индийских аналогов к Индийскому национальному конгрессу эпохи М. Ганди. В будущем, несомненно, будет написано множество трудов, посвященных истории всех этих движений и их сравнению с движениями в других империях, но то, что здесь действовали общие закономерности, общая логика, очевидно. И опять-таки, как и в процессах умирания других империй, как вообще при всех глубоких, естественных и необратимых процессах в одном направлении, к одному конечному результату вело все — и действия тех, кто сознательно империю разваливал, и тех, кто ее укреплял. Естественное в условиях демократизации подчеркивание российскими властями народно-русского характера монархии и рост русского национализма вели к распаду ничуть не меньше, чем начавшиеся автономистские и сепаратистские движения. (Русский национализм, очевидно, сыграл в разрушении империи, которую он, естественно, старался укрепить, роль, аналогичную роли пангерманизма в Австро-Венгрии и тюркизма в Оттоманской империи.) Создание слоя преданных империи и получивших русское образование чиновников, офицеров и интеллигентов — представителей азиатских народов, необходимых для управления окраинами «приводных ремней», в конечном счете объективно привело к появлению лидеров сепаратистско-националистических движений, как это происходило в Британской и Французской империях. К распаду вели репрессии, создававшие героев, символы сопротивления вроде Т. Шевченко, но к нему же вели и уступки верхов.

К войне 1914 года и затем к революции Россия пришла уже заметно более слабым образованием, чем в XIX веке, разъедаемым многочисленными и все более массовыми автономистскими движениями (мы уже не говорим о постоянно готовых к отделению Польше и Финляндии), с одной стороны, и русским национализмом,— с другой. В тогдашней России уже отчетливо видны были постепенное изменение соотношения сил между центром, «ядром», и периферией и все большие трудности контроля центра над этой периферией. Но первая мировая война, переросшая в гражданскую, послужила мощным катализатором сепаратистских процессов, отчасти побудив окраинных националистов воспользоваться моментом для провозглашения независимости, отчасти заставив прибегнуть к этим провозглашениям как средству необходимой в условиях общего хаоса самоорганизации своих народов.

Однако победа большевиков привела к возрождению единства «имперского пространства», из которого выпали только Польша, Финляндия и на двадцать лет — прибалтийские страны. Значит ли это, что Советской власти удалось приостановить процесс дезинтеграции?

НАСКОЛЬКО БОЛЬШЕВИКИ ПРОДЛИЛИ СРОК ЖИЗНИ нашему «имперскому пространству» и продлили ли вообще, можно лишь гадать. Если сравнивать судьбу нашего «пространства» с судьбой Австро-Венгрии или Турецкой империи, то получится, что большевики продлили ему жизнь примерно на семьдесят лет. Но вряд ли такое сравнение корректно, ибо, хотя Австро-Венгрия и Турецкая империя были, безусловно, стареющими, разлагающимися образованиями, они все же не

столько умерли от старости, сколько были «убиты» державами — победительницами в первой мировой войне. Если же сравнивать нашу «империю» с империями держав-победительниц, которые развалились сами, без мощных толчков извне, разница во времени между их и нашей гибелью окажется не такой уж большой. А если принять к тому же во внимание, что Российская империя все же обладала более прочной организацией, во всяком случае, в том, что касается соотношения сил между центром и инонациональными перифериями (ибо, опираясь на мощное русское ядро, контролировать из Москвы окраины значительно проще, чем, например, англичанам из Лондона контролировать во много раз превышающих их по численности индийцев, африканцев и т. д.), то мы вообще придем к выводу, что при каких-то особо благоприятных и крайне маловероятных обстоятельствах наша империя и без большевиков могла бы дожить до даты, очень близкой к 1991 году. Но все это, конечно, лишь гадания, и, кроме того, вопрос, могло или нет то или иное образование дожить до какого-то определенного срока, не имеет прямого отношения к основному вопросу — о его конечной судьбе. Разумеется, для индивида лишние лет пять жизни — это очень много и очень важно, но к принципиальной проблеме человеческой смертности они прямого отношения не имеют.

Большевики смогли преодолеть болезненный кризис в постепенно слабеющем, начавшем стареть организме (кризис, в значительной мере ими же порожденный или, во всяком случае, обостренный) радикальным изменением формы существования, облика этого организма, который тем не менее оставался тем же самым организмом и в котором продолжались те же процессы старения и распада.

Относительно легко реинтегрировать «имперское пространство» большевикам удалось в силу двух причин. Во-первых, распад, который произошел в 1917—1918 годах, был связан с внешними толчками и в некотором роде — преждевременен. Любые национальные движения (наверное, вообще любые движения, любые органические процессы) развиваются чередованием периодов бурного развития и периодов отступления и «стагнации», периодов энтузиазма и периодов «опускания рук». С первой же попытки независимость достигается очень редко. И если ко времени российской революции полностью готовые к самостоятельной жизни, сложившиеся национальные организмы поляков, финнов, в меньшей степени прибалтов, вполне могли быть независимыми современными государствами и удерживались в империи исключительно силой, то украинцы, казахи и другие народы, безусловно, к независимости готовы не были. Не случайно, что даже в 1917 году о полной независимости от России большинство входивших в империю народов не думало и стремилось лишь к автономии (в Британской империи индийцы или ирландцы вначале тоже выдвигали лишь задачу достижения автономии, «гомруля»). Для этих народов очень естественно, что достижение ими независимости в период гражданской войны в России явилось первой и неудачной попыткой. Во-вторых, большевики смогли обезоружить не уверенные в себе, столкнувшиеся с колоссальными трудностями национальные движения своим глубоким и искренним интернационализмом, тем, что создававшееся (или воссоздававшееся) ими государство именовалось СССР, что в его названии отсутствовало слово «российский», что оно искренне мыслилось союзом равноправных народов, призванным со временем охватить всю планету, стать союзом свободных народов Земли. Большевики, разумеется, не мыслили в таких категориях, но можно сказать, что объективно сохранение основного пространства Российской империи было «куплено» ими ценой создания государства без слова «российский» в названии, разделения

единой территории империи на республики и предоставления входящим в империю народам громадных, не представимых ранее возможностей национального развития.

Но вне зависимости от субъективных стремлений большевиков, раз уж «мировая революция» ограничилась российским имперским пространством, это пространство стало диктовать свои законы. Имманентная этому пространству система национальных отношений сильнее любой идеологии и любой политической организации пространства. В позднесталинскую эпоху имперский русский характер нового государства стал совершенно очевиден, проявляясь в его самосознании, идеологии, символике и политике. Переживший тяжелую болезнь организм воссоздался и стал осознавать себя как тот же самый организм, как государство, берущее начало не с 1917 года, а от Ивана Калиты и Рюрика (на Рюрика, впрочем, как на нерусского, у нас смотрели с подозрением) и ныне, после выздоровления от болезни, ставшее сильным и могущественным как никогда, о старости и смерти вообще не задумывающимся.

Однако в том-то и мощь таких глубоких естественных процессов, как процесс старения имперских организмов, что они развиваются и тогда, когда организмы больны, и тогда, когда они совершенно здоровы — даже и очень здоровые старики продолжают стареть. И идут они со своей естественной скоростью, которую политические события принципиально изменить не могут. Если организм жив, если его не разрушили силой, не «убили», как это произошло с Австро-Венгрией, то степень его дезинтеграции, «старения», мало зависит от политической воли. Ленин не хотел воссоздания империи, он хотел союза равноправных республик, но воссоздал империю, ибо при уровне развития наций, каким он был в его время, и при сохранении единства нашего пространства республики не могли не стать фикцией. Наоборот, Сталин стремился к ультрацентрализованному тоталитарному государству с отчетливо «русским имперским» характером и создал такое государство. Но он так же не мог остановить естественный процесс, как большевики революционной эпохи не могли его радикально ускорить. Процесс шел «своим ходом» и при Сталине, более того, он шел и «через Сталина», посредством его действий.

При всем своем всемогуществе и всей своей ориентации на российскую империю Сталин, конечно, и мысли не допускал о восстановлении формы нашего пространства как просто российско-имперского. Максимум официальной «российскоцентричности» был достигнут в словах гимна («Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь») и в формуле «братства народов», в котором русский народ — «старший брат». Даже при тоталитарном всевластии существуют очень мощные ограничения этого всевластия, механизм действия которых даже не всегда понятен. Сталин мог переселять народы, как Навуходоносор, но отказаться от формулы свободных республик, имеющих право отделения, он был не в состоянии. Можно сказать, что он этого и не хотел, что такая формула казалась ему безвредной демагогией. Но при столь глубоких, естественных, квазибиологических процессах, как процесс распада имперского организма, грань между «не мог» и «не хотел» очень неопределенна. Демагогия же никогда не бывает «просто демагогией». При всех репрессиях и при всей русификаторской политике сталинский режим платил колоссальную «дань» национальным республикам, дань, которая была платой за сохранение единства нашего «пространства» и частичное возрождение русско-имперской формы его организации. Это и упрочение республиканских систем управления со своими ЦК, Совминами, Академиями наук и т. д. (естественно, что у

России своих ЦК, как и Академий наук и художеств, не было, ибо российское руководство и являлось союзным, а Россия на деле представляла собой не одну из республик, а «ядро»). Это и «выращивание» кадров национальных интеллигенций и бюрократий, в отношении ряда народов — «выращивание» ускоренное, по системе квот для поступления в вузы. И культивирование очень своеобразных, как бы подчиненных русскому и поэтому «куцых», но все же национализмов народов союзных и автономных республик (у русских есть великий Пушкин, а у других — свои Пушкины поменьше масштабом — Шевченко, Низами, Навои и т. д., памятники которым тоже стоят в соответствующих местах). Это и грандиозная работа по созданию литературных языков и письменности ранее не имевших их народов, по изучению фольклора и т. д. Все это было продолжением той работы, которая началась в Российской империи и которая объективно, вне зависимости от намерений работников, вела к подъему народов «окраин России», их превращению в современные нации и соответственно изменению соотношения сил между «ядром» и «окраинами» и дезинтеграции нашего «пространства».

СССР был переходным, компромиссным образованием, соответствующим определенному соотношению, равновесию сил «ядра» и «окраин», когда «просто империя» была уже невозможна, а «просто независимость» — еще невозможна. Это равновесие, однако, постепенно нарушалось, дезинтеграция продолжала развиваться, и если в ленинский и сталинский периоды шло создание наций и одновременно создание еще во многом формальных и искусственных национально-государственных организмов, то в послесталинскую эпоху ранее пустая форма стала все больше наполняться содержанием, республики постепенно и незаметно начали в действительности превращаться в национальные прогосударства. С ликвидацией сталинского террора элита мало-помалу консолидировалась, причем консолидировалась она по национально-государственным границам и по уже готовым «матрицам» республиканских систем управления и партийно-бюрократических иерархий. И если при Ленине при всем свойственном ему интернационализме и при всей его чуткости к национальным чувствам нерусских народов во главе национальных республик могли быть и русские, и евреи, и вообще кто угодно, вплоть до болгарина Х. Раковского на Украине, то в послевоенный период это уже исключение из правила, а в брежневский — принципиально невозможно. При всей «безграничной преданности» Москве и Л. Брежневу республиканские власти фактически уже обрели «полунезависимость», и Ш. Рашидов, Г. Алиев, Д. Кунаев и другие были уже не московскими «наместниками» и генерал-губернаторами, а скорее царьками набирающих силу, несмотря на весь наш «тоталитаризм», «вассальных государств». Сопротивление, с которым столкнулся М. Горбачев, попытавшийся нарушить уже сложившуюся систему реальной внутренней независимости складывавшихся в республиках организмов, назначив в Казахстан русского Г. Колбина, показало, как далеко зашли уже эти постепенно, незаметно развивающиеся процессы. От когда-то подчинившихся России племен «киргиз-кайсацкой орды» через явно преждевременное поползновение к независимости казахских националистов «алаш-ордынцев» в период гражданской войны, через Казахскую АССР, где тем не менее мог править сталинский наместник еврей Ф. Голощекин, истребивший чуть ли не треть казахов, но где одновременно создавались казахский язык, интеллигенция, бюрократия, через формально равноправную Казахскую ССР, через кунаевское правление республика шла к современному «назарбаевскому» Казахстану и идет дальше. Схожими путями создавались национально-государственные организмы и других народов, и все эти

процессы одновременно были процессами дезинтеграции как СССР, так и существовавшего в форме Союза «имперского пространства».

Форма процессов, развивавшихся на нашем «пространстве» в советское время, была очень не похожа на форму процессов в Российской империи или в других империях, но суть была та же. По своей объективной роли национальные партбюрократы и интеллигенты были прямыми продолжателями тех российских чиновников или интеллигентов «из туземцев», которые в период гражданской войны встали во главе автономистских и сепаратистских движений, но продолжателями, имеющими значительно более прочные позиции, опирающимися на новое, достигнутое за годы Советской власти соотношение сил. И как они — продолжатели дела совершенно не похожих на них «предков», так они — аналоги тоже совершенно не похожих на них социальных типов в иных «имперских пространствах». Выучившийся в Оксфорде и даже подзабывший родной язык слуга Британской империи — чиновник в Индии или Африке, которому надоело служить англичанам и он начинал осознавать, что вполне мог бы стать министром независимого государства,— и какой-нибудь член ЦК Компартии Туркмении, у которого появлялись схожие смутные мысли, в коих он до поры до времени боялся признаться собственной жене,— «функциональные аналоги».

Распад СССР был подготовлен не только последними десятью годами, как говорит Ельцин, но всей историей нашего «пространства», к нему вел процесс, начавшийся более ста лет назад и не прерывавшийся ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве или Брежневе, ни, естественно, во времена горбачевской демократизации. И легкость, с которой произошел распад, почти неприличная процедура ликвидации СССР в Беловежской пуще свидетельствуют лишь о подготовленности этого результата. «Дети» прикончили «старика отца», но прикончить его было очень просто, ибо сил у него уже не оставалось (что, однако, не очень их оправдывает, особенно «старшего» и находившегося на особом привилегированном положении сына, тут же попытавшегося захватить из наследства все, что можно, и начать командовать младшими братьями). Но была ли гибель СССР окончательным распадом «имперского пространства»?

РАСПАД 1991 ГОДА был, разумеется, более подготовлен, чем распад 1917—1918 годов, а новые государства значительно жизнеспособнее эфемерных образований периода гражданской войны в России. Но оргия суверенитетов и независимостей 1991 года была все же «забеганием вперед» по сравнению с реальными, глубинными процессами консолидации национально-государственных организмов и дезинтеграции пространства, как в свое время «забеганием вперед» были эфемерные независимости, провозглашенные в годы гражданской войны (почему эти независимости и рухнули, а форме республик потребовались десятилетия, чтобы начать наполняться некоторым содержанием).

Для меня несомненно, что наилучшим вариантом развития для всех республик, для всего «советского народа» было бы сохранение на какой-то период единого государства, но в более «рыхлой», чем СССР, форме нового союзного договора, к которому стремился Горбачев. В таком государстве центр обеспечивал бы определенный уровень стабильности, необходимый для дальнейшей консолидации и самоорганизации национальных организмов, упорядоченного разрешения основных противоречий между ними, и их демократическое развитие. Новый Союз не спас бы наше пространство от дезинтеграции, но сделал бы его распад более замедленным и безболезненным. К сожалению, в это время никто (или

почти никто) не мыслил большими временными категориями. Одни спешили прикончить «старика», ибо воображали, что, если этого сейчас не сделать, он может вновь воспрянуть сильным, грозным и жестоким, каким был в молодости. Другие (защитники Союза) также наивно воображали, что если сейчас «старика» спасти, то он уже никогда не умрет. Кровь, пролитая в СНГ за последние годы,— это во многом расплата за спешку и эгоистический самообман 1991 года, за то, что «старику» не дали спокойно «дожить свое» и привести дела в порядок.

Сейчас большинство прежних республик Союза представляет собой значительно менее жизнеспособные организмы, чем это подразумевается их статусом независимых государств, а наше «пространство» значительно более едино и совсем иначе организовано в реальности, чем оно едино и организовано формально. Пространство сохраняется, ибо республики продолжают быть связанными тысячами экономических, культурных, личных, каких угодно связей, которые теснее, чем их связи с ближайшими соседями или странами (более близкими к ним по языку, религии, глубоким основам культурной традиции, но находящимися по ту сторону границы пространства). Даже республики Прибалтики самой своей бурной реакцией на события в Москве и на все, что говорит, как им кажется, о ее имперских поползновениях, показывают, что психологически они из пространства еще окончательно не вышли (мы уже не говорим о том, что переговоры о противостоянии России прибалтийские руководители ведут между собой на русском языке). А когда Алиев или Шеварднадзе приезжают как президенты независимых государств в Москву к Ельцину, с которым они заседали вместе в Политбюро и для общения с которым им не только переводчика, но и слов-то нужно немного, они наверняка испытывают странное чувство «игры», «лицедейства». И поскольку сохраняется пространство, сохраняется, естественно, и имманентная ему структура — «тяжелое» российское «ядро» (хотя сейчас оно и менее «тяжелое», чем раньше — в СССР и тем более в Российской империи) и пестрая периферия и вытекающая из этой структуры система отношений, при которой Москва все равно остается центром, а Ельцин — все равно «начальством». При этом формальная и «символическая» организация нашего пространства начинает постепенно в какой-то мере приходить в соответствие с его реальной организацией. Окончательно порвать формальные связи с нашим пространством смогли только республики Прибалтики — наиболее готовые к самостоятельной жизни национальные организмы (самым важным в этой готовности являются не размеры территории или численность народа и не наличие природных ресурсов, а скорее культурные и психологические факторы — уровень национального самосознания и способность к самоорганизации). Все прочие вошли в СНГ, преемника СССР, как, в свою очередь, сам СССР был преемником Российской империи. Грузия и Азербайджан вначале «артачились», но их затащили. СНГ — организация, в которой формально все равны. Но формальное равенство при значительном фактическом неравенстве превращается в фикцию (естественно, не настолько, насколько это было в СССР, поскольку соотношение сил в СНГ уже иное, чем в СССР). Формально равноправная структура СНГ или просто не работает, заменяясь системой двухсторонних связей России с каждой из республик, или несколько видоизменяется под влиянием реальной структуры. Столицей СНГ становится все-таки не Минск, а Москва, главой СНГ — Ельцин (а когда его сменит кто-нибудь другой в России, главой будет он), председателем парламентской ассамблеи СНГ — наш председатель Совета Федерации. Постепенно складывается и система более и менее тесных связей республик с Россией внутри СНГ. С Белоруссией, страной с наиболее слабым нацио-

нальным самосознанием, наименее готовой к независимому существованию, мы, очевидно, создадим в конце концов какую-то конфедерацию (это, естественно, будет очень своеобразная «конфедерация медведя и зайца»). С очень бедными и вдобавок имеющими колоссальные русские общины, но значительно больше, чем Белоруссия, ощущающими свою национальную «особость» Казахстаном и Киргизией отношения будут тесные, но все же не конфедерация. «Особые» отношения у России с Арменией, опирающейся на Россию в своем противостоянии с соседями, и с Таджикистаном, где правительство победило в гражданской войне с помощью российской армии и полностью зависит от поддержки России. Пространство «пульсирует» и после полного распада в какой-то мере восстанавливает свою организацию.

Сохраняется и имманентная нашему пространству психологическая структура, о которой мы уже говорили. Реальной ситуации России — бывшей формальной «главе», ныне формально равной с другими, несколько ослабевшей по отношению к ним, но продолжающей оставаться значительно сильнее других,— соответствует и определенный комплекс чувств. Эти чувства и проще, и сложнее «псевдорациональных» внешнеполитических рассуждений, и все, например, сложности российско-украинских отношений нельзя понять, не учитывая простого российского чувства к Украине, которое на бытовом уровне иной раз выражается фразами типа: «Возомнили о себе!», «Тоже мне, „незалежные“». В отношении России к странам СНГ не может не присутствовать сознание собственного превосходства, причем несколько обостренное и «фрустрированное» из-за теперешней ситуации формального равенства. Главы государств СНГ, например, бесконечно ездят в Москву, но Ельцин к ним не очень-то ездит. Козырев тоже предпочитал «приличное общество» западных министров обществу «постсоветских плебеев». Есть в этих отношениях и естественный эгоизм сильного, не желающего считаться со слабыми. Мы могли, например, никого не спросясь, пойти на либерализацию цен, бросившую в конвульсии все республиканские экономики. Но есть и во многом противоположное стремление сохранить «пространство» и свою позицию его главы, которую только силой сохранить уже невозможно, что побуждает не доводить других «до крайностей» и соблюдать осторожность и иногда прямо поступаться собственной выгодой. Есть и очень естественное для «слабеющих центров» стремление использовать конфликты между соседями. Есть и стремление считаться с общепринятыми нормами отношений между государствами и международным правом, которое присутствует в наших действиях в СНГ значительно больше, чем в нашей рефлексии по поводу отношений в нем: каждый раз, когда дело доходит, например, до изменения границ, мы останавливаемся, не признав независимости Карабаха и Абхазии и избегая поддерживать русский сепаратизм в Крыму, молдавском Левобережье, Казахстане.

И как сложно отношение России к своим более слабым соседям, союзникам по Содружеству и бывшим подданным Российской империи, так сложно и их отношение к России. Там есть и глубоко укоренившееся представление о Москве как о все равно неизбежном центре. Есть и зачастую преувеличенные представления о ее могуществе, о том, что против России «все равно не попрешь» (урок, который вынесли из событий последних лет грузины и азербайджанцы). Есть стремление использовать Россию в своих интересах, играя на ее «слабостях» (карабахцы, объявляющие себя «форпостом России на Кавказе»), и стремление «сохранить лицо» в отношениях с Россией, и, несомненно, присутствующие в большинстве стран СНГ, естественно, особенно у элит, смутные мечты о времени, когда они перестанут от России зависеть и президен-

там «суверенных государств» не надо будет ездить в Москву на поклон, льстить российскому руководству и что-то у него выпрашивать.

«СССР умер, но пространство его живет». Но если пространство с его внутренней структурой и имманентной ей системой отношений продолжает жить, значит, на нем продолжают действовать те же силы и развиваться те же процессы, которые начались более ста лет назад, привели к падению Российской империи и появлению нового, «менее имперского» образования, СССР, процессы, которые продолжались на протяжении всей истории СССР, в конце концов сломав его и породив более «рыхлое» и менее «имперское» образование — СНГ. Если процесс «старения», распада организма естествен, значит, до тех пор, пока существует организм, идет и процесс старения.

ПОСКОЛЬКУ РАСПАД СССР не соответствовал уровню готовности большинства республик к самостоятельному существованию, они столкнулись с большими трудностями. Всплеск романтического национализма кончился, и эйфория независимостей сменилась разочарованием и тенденцией к реинтеграции. В какой-то мере повторяется то, что происходило после гибели Российской империи. Но это развитие по спирали, ведущей вниз, повторение не «на новом высшем», а «на новом низшем» этапе. Каждый раз пространство восстанавливается в более усеченном и в более «рыхлом» виде. «Пульсация» его замирает, а движение ко все большей дезинтеграции проходит «сквозь» эту «пульсацию».

Такое дезинтеграционное движение проявляется сейчас во всех сферах жизни. Это и миграционные процессы, ведущие к большей национальной однородности республик; и постепенное расширение сферы влияния национальных языков (и соответственно сужение сферы влияния русского). И идеологические процессы — распад единой на всем пространстве СССР коммунистической идеологии и рост влияния религий— в разных странах разные. И культурная переориентация — бóльшая ориентация на свое культурное наследие и установление все более тесных культурных связей не с Россией, а со странами, близкими по глубоким культурным основам. И экономические процессы — разрушение наиболее связанных с Россией и обслуживаемых скорее русскоязычным населением отраслей промышленности, установление более тесных связей со странами вне нашего «пространства». И постепенное укрепление и развитие государственных систем и их все растущая дивергенция, приводящая к тому, что системы, скажем, Туркменистана и Эстонии уже просто не могут быть «совмещены», быть частями какого-либо единого объединения. Но самое важное, наверное,— это все же привычка к новому статусу, все большее ощущение его как естественного и нормального. Для окончательного закрепления этой привычки, очевидно, нужна смена поколения. Для наших дедов то, что привычный Гельсингфорс стал столицей другого государства и «заграницей» и даже переименовался в Хельсинки, было таким же диким, как для нас сознание, что Алма-Ата — заграница, однако уже наши родители к этому привыкли, а в наши дни не все и помнят, что Польша и Финляндия когда-то были частью России.

При этом процесс дезинтеграции в какой-то мере затрагивает и территорию собственно России. Конечно, это касается не русских областей (разговоры о том, что России грозит распад, представляются мне или выражением невротических страхов, или демагогией), а отношений России с рядом ее культурно чужеродных, но находящихся внутри РФ окраин, где или возникли сепаратистские движения, как в Чечне, или возникают своего рода вассальные государства, живущие своей жизнью.

Положение Калмыкии Илюмжинова, Осетии Галазова или Татарстана Шаймиева в России времен Ельцина очень похоже на положение Казахстана Кунаева или Узбекистана Рашидова в СССР времен Брежнева. При этом реальная отдаленность культуры народов от русской культуры, их разная «совместимость» с нами в одном государстве могут совершенно не совпадать с их, во многом случайным, правовым статусом. То, что никогда не стремившаяся к независимости Белоруссия была союзной республикой и по принятым международным юридическим нормам имела право на отделение, а чеченцы, готовые умирать за свою независимость, его не имеют, безусловно, несправедливо, и подобные несоответствия культурной и психологической реальности и правовой ситуации долго еще будут одним из источников напряжения и на нашем «пространстве» в целом и внутри Российской Федерации.

Пространство продолжает распадаться, несмотря на наше сопротивление, и, как это часто бывает при такого рода процессах, сопротивление может само вести к еще большему распаду, как сопротивление «гэкачепистов» привело к беловежским соглашениям. Наверное, никто не хочет дезинтеграции нашего пространства «меньше», чем Жириновский, но никто ему больше и не способствует. И правительственные действия, направленные на предотвращение дезинтеграции, на деле могут именно к ней и вести. Так, наша поддержка, например, абхазского сепаратизма, имеющая основной целью «наказание» Грузии и удержание ее в сфере нашего влияния, оборачивается сепаратизмом Чечни и, кроме того, устойчивым желанием грузин при первой же возможности из нашей сферы влияния убежать. Когда процесс естествен и необратим, вне зависимости от субъективных желаний к одному и тому же результату ведет буквально все.

ОБЩИЙ ТОН нашей статьи получился как бы «грустный». И это, видимо, естественно, поскольку процессы, которые мы пытались проследить,— это процессы умирания. Разумеется, те же процессы являются одновременно и процессами зарождения и роста новых национально-государственных организмов, в том числе и организма новой, неимперской России. Можно изменить «угол», под которым мы рассматриваем эти явления, и говорить все время о росте и укреплении, создав совершенно иную, радостно-оптимистическую тональность. И все же, мне думается, такая тональность была бы искусственной, наигранной.

Одна из многих причудливых особенностей нашей советской идеологии заключалась в том, что, живя в государстве, которое, несомненно, относилось к классу «империй» (недобровольных, насильственных объединений народов), мы тем не менее были приучены считать, что «империя» — это что-то очень плохое и гнусное, «тюрьма народов» (отчасти поэтому, как только СССР стал осознан нами как империя, мы тут же принялись его разрушать). Но империи — это отнюдь не только «тюрьмы народов». Это и великие человеческие общежития, где жизнь в какой-то мере более богата, более сложна, пестра и интересна, чем в отдельных национальных государствах, где происходит взаимообогащение культур и где народы не только «угнетаются», но и растут, развиваются.

Англичане, французы, русские и другие народы — строители империй не только угнетали и эксплуатировали покоренные ими народы, но и сделали их современными обществами. Просветительской, созидательной роли империй можно петь гимны, и достаточно сравнить Афганистан, отстоявший свою независимость от англичан, с Индией, чтобы понять, что исторически для афганцев, вероятно, было бы значительно

он не дал определение: империя ≡ насилие!

лучше, если бы они эту независимость не отстояли. Империи — отнюдь не только нечто плохое, и соответственно распад империй — это не только хорошее.

Поначалу распад империй всегда сопровождается культурной, экономической и социальной деградацией (иногда, как в ряде африканских стран, доходящей до уровня безумных племенных войн и людоедства). Неизменно сопровождают его и хамство, и неблагодарность, когда бывшие колонизаторы, без которых многие освободившиеся народы, что называется, «сидели бы на деревьях», обвиняются во всех смертных грехах и утверждается, что, если бы не они, эти освободившиеся народы давно были бы богаты, свободны и счастливы. И всегда такой распад означает множество личных драм. Особенно тяжело при этом, естественно, приходится представителям имперских народов, живущим на территориях новых государств: французам — в Алжире, англичанам — в Африке, русским — по всему периметру России. Может быть, в еще худшем положении оказываются люди типа офранцуженных алжирцев, прежде ворчавшие на империю, но когда пришла независимость, оказавшиеся неспособными приспособиться к новым условиям, новой пошлости, провинциальности, культурной деградации. Сейчас во всех бывших союзных республиках таких людей очень много, и как в Лондоне и Париже после распада империй стали расти колонии всякого рода «колониальных интеллигентов», так они растут сейчас в Москве.

У австрийского писателя Йозефа Рота есть прекрасный рассказ «Бюст Кайзера». В нем говорится о старом австрийском генерале, который после распада Австро-Венгрии живет в своем имении в ставшей польской Галиции, и перед домом у него продолжает стоять бюст последнего кайзера Франца-Иосифа. Генерала уважают и не хотят его унижать или притеснять, но бюст кайзера в независимой Польской республике все-таки как-то нехорошо. И местный польский начальник очень вежливо обращает на это внимание генерала. Генерал отнюдь из ума не выжил и все понимает. Он обещает убрать бюст. Но он не просто убирает его, а устраивает ему торжественные похороны, и за гробом, в котором помещен бюст, идут и украинские крестьяне, и поляки, и местные евреи, и, конечно, сам генерал. После похорон он уехал во Францию и больше в имение не возвращался. Кого же хоронили со слезами все эти разные люди? «Тюрьму народов», Австро-Венгрию, которая была их общей родиной и их общей молодостью и «добрым старым временем». Сейчас все мы тоже продолжаем хоронить нашу общую Родину и нашу молодость. И не грустить по ним нельзя.

Но одно дело — грустить по ушедшему, другое же дело — пытаться его вернуть. «Старика» (СССР) можно и нужно было поберечь, а не убивать. Но воскресить его никак нельзя, как нельзя и приостановить дальнейший распад нашего «имперского пространства».

Это не значит, что его надо искусственно ускорять, как это произошло в Беловежской пуще. Это не значит, что его надо доводить до абсурдных крайностей — до создания границы России и Украины по типу тех границ СССР, на кинофильмах об охране которых, с собаками, защитными полосами и ночными тревогами, мы воспитывались. Более того, это не значит, что не надо восстанавливать связи, бессмысленно разорванные в 1991 году. Но это значит, что надо четко понять, что специфическая зависимость республик от Москвы будет исчезать, что в будущем связи прибалтов со Скандинавией, Молдавии с Румынией, тюркских государств с Турцией и т. д. будут теснее, чем их связи с Москвой, более того, что рано или поздно, но, очевидно, придется примириться и с независимостью таких республик, как Чечня. И надо понять, что чем сильнее мы будем стремиться помешать этому, тем скорее и, главное,

тем в более болезненной для нас форме будут идти эти процессы. За последние годы, стремясь удержать контроль над нашим «пространством», мы уже совершили много глупых и жестоких вещей, за которые придется расплачиваться (для чеченцев, например, мы создали эпическую историю борьбы героев с «кровавыми, но трусливыми российскими палачами», на которой будет воспитываться не одно поколение чеченских детей). Сил на «серьезное» объединение типа Российской империи или СССР у нас уже нет и не будет. Поэтому лучше не пытаться в третий раз затевать привычную игру, которая может кончиться лишь конфузом, а найти себе занятия, более соответствующие «возрасту» и «духу времени».

Империи — не обязательно плохо, а независимости — далеко не всегда хорошо. Но империи — образования, принадлежащие к уже ушедшему «возрасту» человечества в целом и народов, населяющих наше пространство, которое уже почти распалось и будет распадаться дальше. Контролировать его нам будет все труднее. Но вполне можно спокойно жить и в пространстве, которое не под твоим контролем, если только это спокойное, добрососедское пространство, если за время своего контроля над ним ты не создал вокруг себя кольцо врагов. И нашей главной целью на «постсоветском пространстве» должно быть не восстановление контроля над ним, а превращение его — и не только его, а вообще окружающего нас пространства — в пространство «добрососедское». При всей своей кажущейся простоте такая задача крайне сложна, ибо требует от нас не столько контроля над другими, сколько самоконтроля, контроля над своими привычками и импульсами, а это, как каждый из нас знает на своем личном опыте, самое трудное.